

ЛИТЕРАТУРА

1. Digital in 2019 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://wearesocial.com/global-digital-report-2019>. – Date of access : 04.08.2020.
2. COCA – Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/coca>. – Date of access : 21.08.2020.
3. *Kiparsky, P.* Remarks on Denominal Verbs / P. Kiparsky // Argument Structure. – Stanford : CLSI, 1997. – P. 473–499.
4. Collins English Dictionary. Complete and Unabridged [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com>. – Date of access : 15.08.2020.
5. *Троицкая, Г. П.* Семантические связи при образовании отыменных глаголов способом конверсии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. П. Троицкая ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1965. –19 с.
6. *Clark, V. E.* When Nouns Surface as Verbs / E. V. Clark, H. H. Clark // Language. – 1979. – Vol. 55, № 4. – P. 757–811.

The article presents an overview of semantic features, typical of new denominal verbs in the English language, whose parent nouns denote popular social networks. It has been concluded that the new verbs in question fall within the known models of semantic relations between denominal verbs and their parent nouns. The common verbal meaning “to use the subject, denoted by the parent noun” is specified in various communicative situations, profiling the most salient functional characteristics of designated social networks.

Поступила в редакцию 06.11.2020

Н. И. Курганова

ИСТОКИ ВАРИАТИВНОСТИ ОБРАЗА МИРА

В статье выделяется набор факторов, обуславливающих национально-культурную специфику образа мира у носителей разных языков и культур. Особое внимание уделяется речевому общению как главному инструменту освоения культуры. В зависимости от ценностных установок культуры речевое общение может быть направлено на субъекта коммуникации или на ее объект, что является первопричиной дифференциации двух способов когнитивно-дискурсивной активности – рационального и эмоционально-оценочного.

Усиливающаяся глобализация и интенсификация межкультурного общения на фоне роста «этничности» актуализировали проблему национально-культурной вариативности когнитивной и коммуникативной деятельности у носителей разных языков и культур, что побуждает исследователей к поиску национально-культурных особенностей конструирования образа

мира. В лингвистике вопросы изучения национально-культурной специфики репрезентации мира обсуждаются в когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и пр. Особое место в этом ряду занимает этнопсихолингвистика, призванная, по словам В. А. Пищальниковой, решать проблемы национально-культурной вариантности когнитивной и коммуникативной деятельности, а также междисциплинарные проблемы содержания этнического сознания [1, с. 12–13]. В отличие от других дисциплин этнопсихолингвистика сосредоточивается на «отражении национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности» [Там же, с. 26], а не на уровне языковой системы. Характерной особенностью этой науки является ее междисциплинарность: она стремится учитывать взаимодействие комплекса факторов – языка и речи, психологии и культуры, мышления и сознания. Кроме того, она использует в своем арсенале методики и процедуры, обеспечивающие доступ к функционированию образа мира, языкового сознания, т.е. того «живого знания», которое репрезентировано в общественном или индивидуальном сознании посредством слова или дискурса.

Традиционно в работах лингвистического плана исследование национально специфичного знания ограничивается описанием концептов или «образов сознания» через выделение набора семантических или концептуальных признаков, что, однако, не позволяет увидеть определенные тенденции и закономерности в осмыслении мира или его фрагментов. Цель нашего исследования – уточнить набор факторов, обуславливающих национально-культурную специфику когнитивно-дискурсивной деятельности у носителей разных языков и культур, и на этой основе выявить глубинные истоки вариативности образов мира.

Как известно, образ мира формируется и функционирует в определенном социокультурном пространстве, в результате чего он не может быть независим ни от конкретной среды, ни от механизмов взаимодействия в этой среде. Для современного человека такой естественной средой выступает *культура*, в атмосферу которой индивид попадает с момента своего рождения. В таком случае логично полагать, что именно культура и будет выступать тем главным фактором, который направляет соответствующим образом когнитивное развитие индивида. Отметим, что вопрос о влиянии культуры на характер познавательных процессов уже давно обсуждается в науке (см., например, [2; 3; 4]). В лингвистике он поднимается в рамках проблемы взаимосвязи языка и культуры, но, как правило, исследователи ограничиваются уровнем словарного состава языка, т.е. акцентируется внешняя сторона культурных различий, которая, скорее всего, служит поверхностной манифестацией глубинных внутренних расхождений, связанных со спецификой взаимодействия в мире.

Для того, чтобы объяснить механизм влияния культуры на когнитивную и дискурсивную деятельность носителей языка и результаты их познания, необходимо, прежде всего, уточнить само понятие культуры и выделить ее наиболее существенные характеристики, поскольку в современной науке нет единого понимания данного понятия. В специальной литературе насчитывается несколько сотен определений культуры (см., например, [5]), при этом данный термин трактуется весьма противоречиво. С одной стороны, культура понимается как крайне широкое и многогранное явление, выражающее все стороны человеческого бытия: культура – это «человеческая среда», которая придает человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание [6, с. 30]. С другой стороны, под влиянием когнитивной науки культура определяется как система знания или как внутренняя концептуальная система [7, р. 323–324].

Наше понимание культуры основано, во-первых, на признании подлинного антропоцентризма, поскольку культура как сугубо человеческий феномен невозможна без человека: она существует в умах, представлениях людей, а также системе их взаимодействий. Именно человек наделяет предметы значениями, и только для человека культурные объекты обладают определенным смыслом. Во-вторых, обсуждение влияния культуры на специфику знания и познания в лингвистике возможно на основе семиотического подхода, разрабатываемого в отечественной науке Ю. М. Лотманом, согласно которому культура выступает как созданный человечеством «механизм, имеющий целью выработку и хранение информации» (курсив наш. – Н. К.) [8, с. 395]. Это значит, что при определении культуры важно учитывать ее главные функции: сохранение, накопление и трансляцию опыта и знаний, вырабатываемых социумом в определенном культурном и историческом контексте, что предполагает обязательный учет языка и речи. В-третьих, мы принимали во внимание сложный и комплексный характер культуры. Так, С. В. Лурье пишет, что, будучи «“полем действия”, культура предоставляет возможности действия», определяет условия для действия, в силу чего «культура является как процессом, так и структурой» [9, с. 10–11]. Подобная трактовка культуры (как процесса и результата) позволяет говорить о выделении двух аспектов в ее функционировании: субстанционального, который представляет определенный результат культурного процесса и включает совокупность значений в широком смысле, и процессуального, характеризующего процесс культурной деятельности.

Таким образом, национальная культура представляет собой комплексную функциональную систему по формированию, сохранению и трансляции опыта и знаний, которая может быть охарактеризована с двух сторон: а) через совокупность *результатов* деятельности, т.е. значений и смыслов, вырабатываемых лингвосоциумом на определенном этапе развития и репрезентированных в знаке, а также б) через призму всех тех когнитивно-дискурсивных *процессов*, которые ведут к формированию системы культурных значений.

Активная роль в функционировании культуры принадлежит когнитивно-дискурсивным процессам, т.е. речевому взаимодействию, «вписанному» в соответствующий культурный контекст. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, речевое общение выступает главным условием присвоения индивидом результатов и достижений исторического развития человечества [10, с. 81], поскольку большую часть своих знаний индивид получает из общения с другими. В научной литературе можно найти массу подтверждений того, что ребенок, лишенный общения со взрослыми, не способен прийти к каким-либо формам деятельности или освоить их без участия других людей, даже при наличии предметов материальной и духовной культуры [11, с. 174]. Во-вторых, благодаря речевому общению конституируется общественное бытие и коллективное знание. Вспомним С. Московичи, который утверждал, что только в коммуникации знание приобретает разделяемый характер [12, р. 167]. Н. И. Жинкин совершенно справедливо полагал, что речь как «транспортёр мысли» способствует поддержанию единства в обществе [13, с. 74].

В-третьих, речевое общение формирует индивидуальное сознание человека: как писал Л. С. Рубинштейн, «через посредство речи, этой “общественной формы познания”, общественное сознание начинает с раннего детства формировать индивидуальное сознание человека» [14, с. 466]. В ходе речевого взаимодействия формируются психика и мышление индивида, на что в свое время указывал Л. С. Выготский [2]. В этой связи особого внимания заслуживает идея П. Бергера и Т. Лукмана о выделении двух уровней социализации индивида: *первичной* и *вторичной*. *Первичная* социализация имеет место в детстве, когда ребенок усваивает культурные значения и выработанную в культуре систему ценностей; *вторичная* социализация связана с разделением труда и социальным распределением знания; в этот период доминируют процессы конструирования смыслов [3, с. 25]. Из этого следует, что в процессе первичной социализации индивид сначала усваивает принадлежащий данному социуму «универсум общих значений», т.е. некую совокупность разделяемых в социуме знаний. И по мере освоения результатов культуры индивид исподволь формирует свое «когнитивное оснащение» в виде определенного набора операциональных механизмов – когнитивных стратегий, схем и операций. Это операциональное знание, представленное в виде структурированного набора когнитивных процессов, детерминирует определенным образом получение индивидом знаний в будущем.

Таким образом, речевое общение выступает как неотъемлемая составная часть функционального механизма культуры, который, с одной стороны, «вписан» в культуру и ориентируется на ее ценности, а, с другой, выступает инструментом культуры, который ориентирует индивида в его познавательной и коммуникативной деятельности. Возникает вопрос: «За счет чего речевое взаимодействие учитывает ценностные ориентации культуры и направляет познавательную активность индивида?».

Одним из наиболее значимых факторов, обуславливающих как специфику когнитивно-дискурсивной деятельности лингвосоциума, так и специфику образа мира индивидов, выступает тип коммуникации: *диалогический* или *монологический*. Диалогическая коммуникация представляет собой настоящий диалог, «при котором его участники стараются учитывать индивидуальные особенности друг друга и соответствующим образом “трансформировать” собственное сознание» [15, с. 18]. При монологической коммуникации, по мнению Д. Б. Гудкова, не происходит взаимной коррекции когнитивных пространств коммуникантов, поскольку участники коммуникации озабочены лишь тем, чтобы «заявить о собственной позиции, понимаемой как единственно правильной, совершенно при этом не учитывая позицию собеседника» [Там же]. В таком случае различия в типе коммуникации должны сказываться тем или иным образом на качестве и объеме разделяемого знания, вырабатываемого в социуме. Логично предположить, что соотношение монологической и диалогической коммуникации, а также их уместность или использование в той или иной ситуации существенно различаются в разных типах культур. Например, в культурах с большой дистанцией власти, с жесткой иерархией право на монолог принадлежит не всем, а лишь тем, кто стоит на верхушке этой иерархии. Коммуникация с подчиненными происходит преимущественно в виде распоряжений, постановлений, приказов, спущенных сверху. В инновационных культурах, напротив, велика роль обсуждения проблем в экспертных группах, в профессиональных группах и сообществах.

Следующим важным фактором, влияющим на характер когнитивно-дискурсивной деятельности социума, выступает ориентация коммуникации на контекст *общения* или на его *содержание*. Как известно, Э. Холл на основании изучения коммуникативных процессов пришел к выводу, что между культурами существуют значительные различия в том, как используются средства коммуникации в межличностном общении (см.: [16, р. 105–115]). Например, представители низкоконтекстных культур больше внимания обращают на *содержание* сообщения, на то, **что** сказано, а не на то – **как**; их коммуникация в слабой степени зависит от ситуации. В высококонтекстных культурах при передаче информации люди склонны в большей степени обращать внимание на *контекст* сообщения, на то, с кем и в какой ситуации происходит общение. Эта особенность проявляется в придании особой значимости *форме сообщения*, тому **как**, а не **тому, что** сказано [17, с. 167].

Анализ научной литературы по проблемам продуцирования речи (см., например, [4; 18; 19; 20; 21; 22]), а также изучение процессов естественного семиозиса (смыслопорождения) в ходе ассоциативных экспериментов, проведенных в разных странах [23; 24; 25], позволяют утверждать, что процессы речемыслительной активности характеризуются целенаправленностью и социальной обусловленностью. Это значит, что речевым событиям

присущи определенные намерения или цели, поскольку «мы имеем дело не только с лингвистическими объектами, но и с результатами некоторых форм социальной деятельности» [22, с. 94].

Мы полагаем, что целенаправленность в ходе продуцирования смыслов обеспечивает культурная установка, вырабатываемая носителями языка и культуры в процессе взаимодействия в определенной социокультурной (политической, экологической) среде. Установка или интенциональность направляет определенным образом когнитивно-дискурсивные процессы индивидов. По мнению В. А. Барабанщикова, установка несет возможность требуемой активности: *«именно установка переводит возможность в действительность, развертывает его иерархическую структуру»* (курсив наш. – Н. К.) [26, с. 104–105]. Благодаря установке даже чувственные впечатления обуславливаются социально через ожидания, потребности и ценности субъекта [Там же, с. 102]. Фиксированная установка – это результат «многократного воспроизведения одной и той же потребности, и ситуации», т.е. установка формируется в процессах взаимодействия в определенной среде. Тем самым установка представляет собой обобщенный ответ на сумму взаимодействий в определенных условиях, следовательно, она культурно обусловлена.

Сравнительно-сопоставительное исследование процессов смыслопорождения в ходе ассоциативных экспериментов, проведенных в разных странах и культурах в течение почти 20 лет (см., например, [23; 24; 25]), позволяет сделать вывод о том, что в основе дифференциации образов мира у носителей разных языков и культур лежит различная *направленность* когнитивно-дискурсивных процессов. Анализ смысловых связей «слово-стимул – ассоциат», проведенный в рамках исследуемых ассоциативных полей, полученных на слова-эквиваленты от носителей разных языков и культур, показал, что процессы смыслообразования «разворачиваются» по двум направлениям: как направленность *на объект* или *на субъект коммуникации*, что является принципиальным условием дифференциации двух путей когнитивно-дискурсивной активности – рационального и эмоционально-оценочного. Ориентация на объект коммуникации (предмет речи) запускает рационально-аналитические стратегии смыслообразования, что выражается в использовании схем и операций понятийно-аналитического мышления. Направленность на субъект коммуникации активизирует эмоционально-оценочные стратегии и образно-ситуативное мышление. Выделенные смыслообразовательные стратегии являются своеобразным защитным механизмом культуры, нацеленным на сохранение культурных констант и целостности культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики : курс лекций. – М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2007. – Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – 200 с.

2. *Выготский, Л. С.* История развития высших психических функций : собр. соч. в 6 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
3. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
4. *Лурия, А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
5. *Грушевицкая, Т. Г.* Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин ; под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
6. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист : пер. с фр. ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС. – 2002. – 448 с.
7. *Spiro, M. E.* Some reflections on Cultural determinism and relativism with Special Reference to Emotion and Reason // Richard A., Shweder, Robert A. Le Vine. Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion. – Cambridge, L., NY, New Rochelle, Sydney : Cambridge University Press, 1984. – P. 323–346.
8. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера : культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
9. *Лурье, С. В.* Психологическая антропология : история, современное состояние, перспективы : учеб. пособие / С. В. Лурье. – 2-е изд. – М. : Академический проект : Альма Матер, 2005. – 624 с.
10. *Андреева, Г. М.* Социальная психология : учебник для студентов высш. учебных заведений / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 365 с.
11. *Корнилова, Т. В.* Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов. – СПб. : Питер, 2008. – 320 с.
12. *Moscovici S.* Introductory Address / S. Moscovici // Papers on social representations. – 1993. – V. 2. – № 3. – P. 160–170.
13. *Жинкин, Н. И.* Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 157 с.
14. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии : в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 1. – 488 с. – Т. 2. – 328 с.
15. *Гудков, Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности – М. : Изд-во Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
16. *Hall, E. T.* Beyond culture / E. T. Hall. – N. Y. : Anchor Books, 1976. – 298 p.
17. *Стефаненко, Т. Г.* Этнопсихология : учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
18. *Ахутина, Т. В.* Порождение речи : Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т. В. Ахутина. – 3-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
19. *Залевская, А. А.* Введение в психоллингвистику : учебник / А. А. Залевская. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 560 с.
20. *Зимняя, И. А.* Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1991. – 221 с.

21. *Леонтьев, А. А.* Основы психолингвистики : учебник для студентов высш. учебных заведений / А. А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. – М. : Смысл ; Изда-тельский центр «Академия», 2005. – 288 с.
22. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
23. *Курганова, Н. И.* Межкультурный диалог как способ освоения культуры / Н. И. Курганова. – Мурманск : МГПУ, 2007. – 312 с.
24. *Курганова, Н. И.* Роль и место смыслового поля при моделировании значения слова / Н. И. Курганова. – Мурманск, МГГУ, 2012. – 296 с.
25. *Курганова, Н. И.* Образ мира через призму концептов повседневности / Н. И. Курганова. – Минск, РИВШ, 2020. – 200 с.
26. *Барабанщиков, В. А.* Восприятие и событие / В. А. Барабанщиков. – СПб. : Алетейя, 2002. – 512 с.

The article highlights a set of factors that determine the national and cultural specifics of the world image. Special attention is paid to speech communication as the main tool for the acquisition of culture. Depending on the values of the culture, verbal communication can be directed at the subject or at the object of communication. This is the primary reason for the differentiation of the two ways of cognitive and discursive activity: rational and emotional-evaluative.

Поступила в редакцию 06.11.2020

Д. И. Тупик

УЗУАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЖЕНСКОГО РОДА (на материале французских наименований действующего лица)

В статье проводится анализ современных тенденций системного закрепления женского рода французскими толковыми словарями в сравнении с иными справочными изданиями, опирающимися на речевые употребления. Ряд наименований женского рода в силу исключительной новизны не находит отражения в эталонных словарях французского языка. Лексикография, как правило, учитывает региональные особенности определенных наименований женского рода и присваивает им соответствующие пометы. Специально оговариваются также слова, вышедшие из употребления в силу их исторических особенностей, и слова, имеющие нестабильные окказиональные формы. Особое место в исследованном материале занимают факты омонимии «действующее лицо / неодушевленный предмет», характерные для обоих родов среди наименований.

Термин *наименование действующего лица* рассматривается французскими лексикологами и дискурсологами в отношении слов, обозначающих профессию, должность, звание или титул [1, р. 33; 2, р. 42–43]. В последние десятилетия изучение этой лексики существенно осложнилось в связи с интенсивным развитием различных движений, деятельность которых направлена на защиту равенства полов. Известно, что закрепление женского